

ТВ

ПЕРВЫЕ кадры «Иронии судьбы...» озарены предвкушением водевиля.

Как только пошли титры и голос диктора стал иронизировать над стандартностью наших домов, улиц, типовых квартир, быта, как только погрузились мы затем в веселое мельтешение предновогодней метели и вместе с человеком в дублинке стали отыскивать 3-ю улицу Строителей, как две капли воды похожую на 1-ю и на 2-ю, мы сразу догадались, что в праздничной этой суматохе кто-то что-то перепутает, куда-то опоздает, поссорится, а потом помирит с любимой — и после всей этой невозможной кутерьмы останется чувство легкой, приятной усталости, как после удачной встречи Нового года. Как точно показана на телеэкране эта середина дня 31 декабря, метель и предвкушение праздника, толстые лоточницы в одеждах Снегурочек, убывающие толпы на улицах, нежный перезвон елочных игрушек — все это так подходит водевилю, и мы так соскучились по нему! Вот и главный герой Женя (его отлично играет А. Мягков), застенчивый тихоня, в тридцать шесть лет наконец собрался жениться, вот его девушка Галя, глазастая и решительная, она тактично поможет герою объясниться в любви, значит, назревает свадьба, прекрасно — какой же водевиль без свадьбы?

Дальше вам обеспечено примерно 30—40 минут непрерывного смеха. Дело в том, что перед встречей Нового года Женя с друзьями отправляется в баню, у них такая традиция — 31 декабря встречаться в бане, и вот друзья решают поздравить Женю с предстоящей женитьбой, а Женя пить не умеет, поэтому с непривычки сильно хмелеет и в таком состоянии нечаянно улетает вместо своего приятеля в Ленинград. Это уже совсем как в каком-то анекдоте. В ленинградском аэропорту Женя на минутку проснулся, взял такси до 3-й улицы Строителей, нашел свой дом 25 и квартиру 12, открыл стандартным ключом дверь и снова завалился спать, чтобы быть в норме, когда невеста Галя придет встречать к нему Новый год. Но вместо Гали появилась хозяйка ленинградской квартиры Надя, видит у себя незнакомца, начинает его будить, тормошить, а он брыкается, негодует, здесь приходит Надин жених Ипполит, серьезный мужчина в пальто с меховым воротником, обвиняет Надю в неверности, долгое время все сердятся друг на друга, и никто ничего не может понять, но в промежутках между приступами смеха мы успеваем предположить, что под конец новогодней ночи Женя вернется к московской Гале, а Надя помирится с ревнивым Ипполитом — какой же водевиль без счастливой развязки?

Но тут сюжет совершает свой первый неожиданный виток. В Наде и Жене вдруг просыпается интерес друг к

другу. Вступает в свои права новогодняя ночь, от которой мы упрямо привыкли ждать обещанных нам в детстве чудес. Не за это ли возвращение детских ощущений так любит режиссер Эльдар Рязанов этот праздник: бой праздничных курантов в его фильмах всегда означает нечто большее, чем просто милый сердцу ритуал. Он сулит обновление, открытия. Так было в свое время с «Карнавалной ночью», вернувшей кинокомедии былую непринужденность, раскованность, непосредственность.

Надя — Барбара БРЫЛЬСКА

Т.ХЛОПЛЯНКИНА

ПОД БОЙ НОВОГОДНИХ КУРАНТОВ

О новой комедии Э. Брагинского и Э. Рязанова

Женя — Андрей МЯГКОВ

По новому телефильму Э. Брагинского и Э. Рязанова очень интересно путешествовать. Из одного смешного недоразумения тут же логически вырастает другое, и решительно все рухнет, или, скажем по-новогоднему, хлопнушки, стреляют точно в положенный срок, причем стреляют дважды, потому что комизм интриги основывается на повторяемости одних и тех же ситуаций — Женя уходит от Нади и возвращается, и уходит снова, дважды появляются Надины подружки и Женины друзья, но — перефразируем известное изречение мудреца — никому из героев не удается ступить в этот веселый и быстрый поток два раза, потому что отношения внутри одной и той же ситуации все время меняются, еще больше увеличивая комедийную путаницу. А как хороши сами подружки — первая (В. Талызина) с гренадерской походкой и решительными интонациями и вторая (Л. Ахеджанова) — маленькая, восторженная, с обликом вечной девочки. А Женины друзья (А. Ширвиндт, Г. Бурков, А. Белявский) — их функция в этом фильме кажется чисто служебной: нечаянно напоить друга и втолкнуть в самолет, а потом присутствовать при счастливой развязке ими же самими сотворенного недоразумения, — но каждый делает это абсолютно по-разному, явив нам за какие-то короткие минуты три не похожих друг на друга современных типа. Мастерски сделанная вещь всегда вызывает уважение, мастерски написанный комедийный сценарий — тем более. И все же мы, наверное, не стали бы уделять «Иронии судьбы» столько внимания, если б в какой-то момент фильм вдруг не страхнул бы с себя веселую мишуру водевиля и из хитроумной сюжетной путаницы вдруг не начала прямо на наших глазах вырастать современная драма — тонкая, умная, лиричная.

Какую роль, например, играют в «Иронии судьбы» песни? В фильме восемь песен, написанных композитором М. Таривердиевым на стихи В. Пастернака, М. Цветаевой, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, М. Львовского и других. Кажется —

что тут удивительного? Новогодняя комедия мыслится ли без музыки? Но парадокс заключается в том, что песни вроде бы совсем не соответствуют сюжету.

В самом деле, на экране — веселая неразбериха, путаница, типичная комедия положений, а песни рассказывают о чем-то неизмеримо более значительном, о чем-то совсем другом — о нежности, любви, одиночестве, о бесконечной сложности человеческих отношений. За короткую новогоднюю ночь герои переживают не только то, что могли бы пережить двое в такой ситуации, но словно бы и огромный духовный опыт, прожитый другими. Вот почему авторам понадобилась здесь высокая, настоящая поэзия, а не просто милые песенки, призванные, как это часто бывает, слегка разбавить замешкавшийся сюжет. Два человека, едва не совершившие трагической ошибки только лишь потому, что ему давно пора жениться и ей давно пора замуж, вдруг открывают для себя истинный, духовный смысл слова «любовь».

Посмотрите, как меняются на протяжении фильма герои! Вначале они предстают перед нами такими, какими их видят Надин жених и Женина невеста. Женя — эдакий губошлеп, тридцатилетний мальчик, мило запинаящийся, слегка комичный и готовый так же слушаться свою юную практичную невесту, как слушался он маму. И Надя (удивительно интересный дебют в нашем кино польской актрисы Барбары Брыльской!) — женщина с горькой складкой у губ, с тем поразительным, редко встречающимся типом, которым именно прожитые годы придают красоту и значительность, но уже махнувшая рукой на свои романтические порывы, старающаяся быть просто покладистой, хозяйственной, уютной, такой, какой хочет видеть ее Ипполит. В общении друг с другом герои как бы выпрямляются, освобождаются от комплексов, становятся самими собой. Любовь дана в фильме как духовный, нравственный взлет. А раз так...

А раз так, подсказывает нам все еще властвующая над нами водевильная логика, раз Надя и Женя полюбили друг друга, следовательно, им не надо, нельзя расставаться.

Но тут сюжет совершает еще один, быть может, самый неожиданный поворот. На исходе суматошной новогодней ночи снова появляется Ипполит.

И тогда мы замечаем вдруг, что он, Ипполит (Ю. Яковлев), не просто водевильный тип, надутый ревнивец, а живая душа, тоскующая в лапах своих жизненных правил, строгих и респектабельных, как его тесное, сшитое в дорогом ведомственном ателье пальто. Мы замечаем также, что за окнами начало светлеть и что вместе с новогодней ночью незаметно кончился водевиль, и хотя Женю и Надю свело вместе недоразумение, но проблемы, возникшие между ними, по законам веселого недоразумения уже не разрешить.

В этом месте зритель начинает волноваться, что герои расстанутся. И Женя действительно улетает в Москву. Некоторые строгие ревнители правдоподобия утверждают, что на этом месте фильм следовало бы закончить, потому что в жизни все действительно так бы и закончилось. Раз уж разлучившись с водевилем, то до конца. Пусть будет грустно, да зато по правде.

И опять мы с вами ничего не угадали. Авторы неожиданно и остроумно перефразируют начало ленты. Теперь уже Надя появится в квартире Жени.

Веселая авторская фантазия одерживает верх над бытовым правдоподобием. И в этом есть своя справедливость. Во-первых, потому, что героям и в самом деле нельзя расставаться: слишком бесценны мгновения нравственного духовного взлета, пережитые ими. Кроме того, новизна, незаурядность фильма как раз в том и заключается, что противоборство водевиля и психологической драмы вовсе не означает окончательной победы одного жанра над другим, хотя много раз на протяжении фильма нам казалось, что характер его решительно изменился. Э. Брагинский и Э. Рязанов продемонстрировали нам могущество Кинокомедии, которая может быть и умной, и интеллигентной, и лиричной, которая практически может все себе позволить — может даже на какое-то время перестать быть кинокомедией, чтобы потом снова очаровать нас доброй и веселой фантазией.